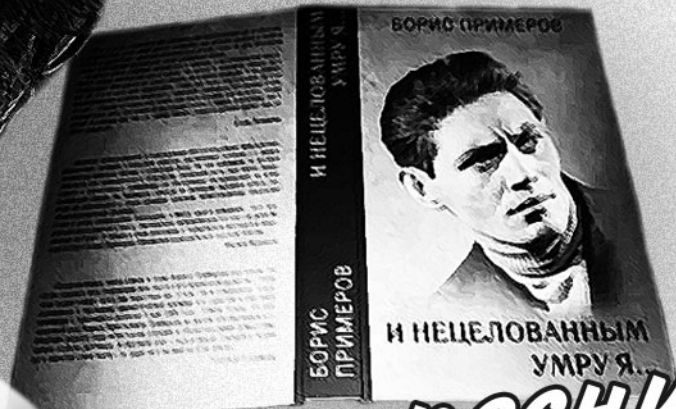
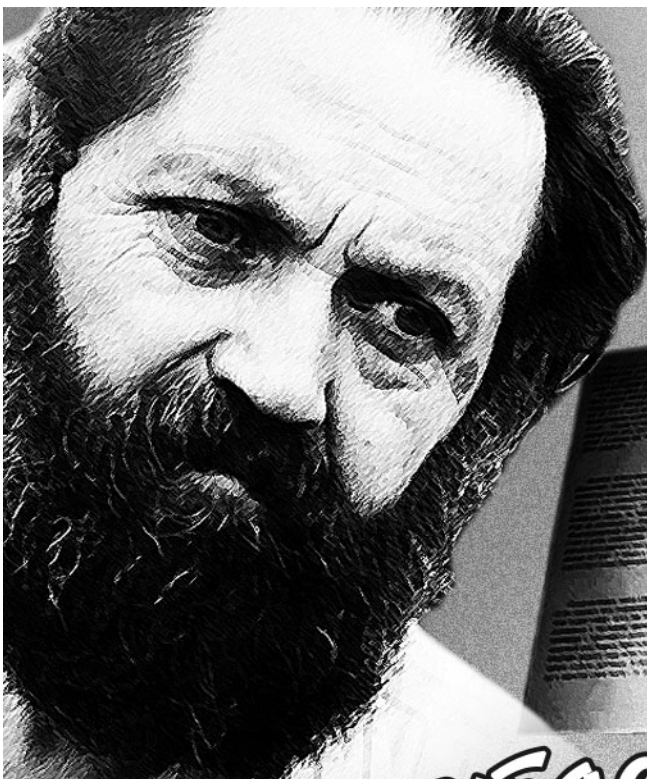

Валерий ЧЕРКЕСОВ

г. Москва

На расстоянии песни

(О Борисе Примерове и его поэзии)

В 60-е годы уже прошлого века один амурский стихотворец (тогда я жил в Благовещенске) поступал в Литературный институт им. А.М.Горького. Вернувшись с вступительных экзаменов, он рассказал, как однажды во время ливня во двор общежития института выбежал студент, поэт Борис Примеров, и давай скакать босиком по лужам. Рассказанное накрепко засело в моей памяти, и когда я позже приобрёл сборник этого поэта «Некошенный дождь» (изд-во «Молодая гвардия», 1967 г.), то был поражён, насколько образ поэта, нарисованный моим воображением, и его стихи совпали.

Каждому своё земное небо
С розовой избушкой соловья,
Кроме золотой краяхи хлеба
И ручного верного ручья,
Чтобы слушать, как желтеют травы,
В каждую травиночку войдя
Бесконечной зыбкой и усталой
Маленькою каплею дождя.

После первого же прочтения запомнились и другие строки:

До самого рассвета,
Как яблоки, круглы,
На чёрных-чёрных ветках
Качались воробы.

* * *

Вышел месяц под деревья
Из-за старенькой реки,
Поздоровался с деревней
И не подал мне руки.

* * *

Я в рубашке родился,
Без рубашки умру
На стареющем, душном
Безымянном ветру.

Последнее стихотворение, конечно же, было продиктовано юношеским максимализмом, но мне оно понравилось: я ведь и сам был юным, и жизнь воспринималась без полутонув – или гореть, или потухнуть, но ни в коем случае не тлеть!

С тех пор «Некошенный дождь» стал одним из любимых моих сборников. Кстати, Борис Примеров в предисловии к своему «Избранному» (изд-во «Худо-

жественная литература», 1989 г.) назвал его «главной и любимой книгой». Стоит отметить, что редактировал её поэт Владимир Соколов, ныне признанный одним из классиков русской поэзии XX века.

Я читал стихи Бориса в журналах, покупал его книги, а уже переехав на Белгородчину, познакомился с его умным предисловием к сборнику белгородца Геннадия Островского «За весенними птицами» (изд-во «Современник», 1981 г.), втайне завидуя моему теперешнему земляку доброй завистью, – такие слова такого поэта, как Примеров, действительно дорогого стоят.

1

В начале октября 1991 года я оказался в Доме творчества писателей в Малеевке. Одна из тогдашних литературных мекк находилась довольно далеко от Москвы, в Рузском районе. Я ехал сначала на электричке с пересадкой, потом на автобусе, изрядно устал, поэтому к административному зданию Дома творчества подошёл далеко не бодрым шагом. У входа стоял невысокий человек с всклокоченной шевелюрой, густой неприбранный чёрной бородой, его глаза смотрели внимательно, по-доброму и как-то ласково, что ли.

– Откуда? – спросил он.

– Из Белгорода.

– А как звать?

Я ответил. И каково же было моё удивление, когда он прочитал: «А что под небом? – Поле. – А что за полем? – Поле. – А там, за полем? – Поле. Одно – на всей земле» – это строки моего стихотворения, которое было опубликовано в московском альманахе «Поэзия».

Подождав, пока я отойду от изумления, человек сказал: «Я Борис Примеров» и протянул руку.

Так мы познакомились. Позже я часто слышал от Бориса строки самых разных поэтов, известных и не очень, столичных и провинциальных – он был настоящим ходячим цитатником, прекрасно знал русскую литературу, историю, философию, искусство. Я привозил приобретённые в Москве книги Бердяева, Гумилёва, Ходасевича, Гиппиус, которые раньше не издавались, удивлялся и восхищался своими открытиями, а он с их творчеством уже был давно знаком и толково рассказывал об этом.

Мы встречались почти каждый день, обедали за одним столом; вместе с нами сидел критик Юрий Болдырев, сделавший себе имя на публикациях стихов тогда уже покойного Бориса Слуцкого. Перед завтраком, обедом и ужином я обычно за-

ходил за ним, и мы прогуливались, говорили о литературе и жизни. Союз писателей тогда уже раскололся, я и Примеров были в одном, Болдырев – в другом, но это не мешало нам слушать и слышать друг друга, до ожесточённых споров и обидных слов не доходило.

Кстати, однажды я поведал Борису о том, что мне когда-то рассказал о нём мой дальневосточный приятель, о его пляске под дождём, на что Примеров, улыбнувшись, сказал: «Да, было такое».

Вообще, Борис был мягким человеком. К собеседнику он часто обращался «милый мой», подчёркивая свою миролюбивость, никогда ни на что, ни на кого не жаловался, хотя было понятно – живётся ему нелегко, в том числе и материально. «У нас в семье три Союза писателей: я в одном, жена (поэтесса Надежда Кондакова. – **В.Ч.**) – в другом, сын (студент Литинститута Фёдор. – **В.Ч.**) – в третьем», – говорил Борис. Видимо, из-за семейных обстоятельств он и обитал по несколько сроков подряд в Малеевке, писал стихи, а также статьи по истории, культуре, искусству революционной России, которые печатались в журналах «Молодая гвардия» и «Россияне».

Однажды в Малеевку приехала приёмная коллегия Союза писателей России проводить выездное заседание. Помню, что были Виктор Кочетков, Юрий Кузнецов, Станислав Золотцев. Со всеми Борис общался запросто, и к нему было самое дружеское отношение, чувствовалось, его признают, уважают, ценят.

Я тогда впервые близко познакомился с Юрием Кузнецовым, которого боготворил, прочитав ещё в 70-е годы его сборник «Во мне и рядом – даль...». Как мне показалось, Примеров несколько ревностно относился к Кузнецову. Как бы в ответ на мои восхищения по поводу кузнецовских стихов он принёс книгу «Древо жизни» А. Афанасьева, сказав: «Вот оттуда Юра образы черпает», а ещё журнал 30-х или 40-х годов со стихами какого-то поэта (имя, к сожалению, я не запомнил), удивительно созвучными кузнецовским, процитировал строку Евгения Баратынского «И как нашёл я друга в поколение...», пояснив: «А Юра её перефразировал: «Я в поколение друга не нашёл...» Борис давал понять: «гении» и «самородки» не возникают на пустом месте, каждый значительный поэт вбирает в себя опыт предшественников, знание литературы, культуру народа.

Несколько позже в очерке «Очарованный институт» Юрия Кузнецова я прочитал: «В институте не обошлось без кумиров. Сначала им был поэт из Ростова-на-Дону, потом его затмил Николай Рубцов. Ростовского поэта я знал лично, мы с ним учились на

одном курсе, но в разных семинарах. Он много знал, но как-то бессистемно, его мысли расплывались, как раки, в разные стороны. Жаль, что всё лучшее он написал до института...» Так вот с каких пор началось соперничество Примерова и Кузнецова! Кто из них победил, судить не берусь, лично мне интересно, близко, дорого творчество обоих поэтов.

Мне нравились наши вечерние беседы, когда Борис рассказывал о встречах с поэтами, стихи которых я читал и любил: с Ярославом Смеляковым, Сергеем Марковым, Александром Прокофьевым, Владимиром Соколовым и другими; с Александром Вампиловым, Анатолием Передревым, Николаем Рубцовым он дружил. С последним долгое время жил в одной комнате в общежитии и даже (если судить по воспоминаниям Виктора Астафьева) был единственным поэтом, приехавшим в Вологду из Москвы проводить друга в последний путь.

«Я говорил Коле, – рассказывал Примеров, – как это: «В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды...»? Что же мать ночью за водой ходит? Или «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» – На чём ты будешь скакать? На палочке верхом?»

Сейчас, когда эти рубцовские стихи признаны шедеврами, можно говорить о чрезмерной придирчивости Примерова к творчеству товарища. А может быть, о его необыкновенной чуткости к слову?

И ещё один эпизод.

Будучи в Малеевке, я получил новенький билет члена Союза писателей СССР – заветная мечта каждого пишущего. Показал его Примерову.

– А у меня билета нет, – сказал он.

– ?!

– Да мы его однажды с Колей Рубцовым загнали за пять бутылок «Старки», а новый никак не получу.

Правду говорил Борис или выдумал – этого у него уже не спросить.

В облике и поведении Примерова было что-то как от пророка, так и от юродивого. Он говорил ясно о жизненных истинах и высоких материях, в то же время в обычном разговоре мог сбиться на невнятное бормотание, нелепо размахивая руками и покачивая головой; ездил без билета в общественном транспорте, в том числе и на электричке, хотя я не уверен, что он пользовался какими-то льготами. Причём, если я при приближении контролёров суетливо доставал билет, то он отворачивался от них, и ни один никогда не спросил с него плату за проезд.

Ходил Примеров в трофейном немецком кожане, который, как он говорил, чуть ли ещё не в студенчестве купил на «толчке», и сожалел, что когда-то по молодости и дурости укоротил одёжку. Гово-

рил: «Да мне этот кожан до смерти не износиться!»

В один из дней мы поехали в Москву вдвоём. Зашли в альманах «Поэзия» к Николаю Старшинову, в журнале «Россияне» он познакомил меня с Владимиром Фирсовым, в «Литературной учёбе» – с Николаем Шипиловым, в «Молодой гвардии» – с Евгением Юшиным, тогда молодым поэтом, а потом главным редактором этого журнала. С двумя последними изданиями несколько позже я стал сотрудничать. Во время прогулок по столице в книжной лавке писателей я приобрёл «Избранное» Бориса. Тут же на титульном листе книги он написал: «Таланту из провинции, без которой нет России, – Черкесову – на память. Твой читатель – Борис Примеров. 1991 г.».

До этого талантом меня никто из признанных мастеров не называл.

Когда я уезжал из Малеевки, Борис меня провожал. Уже выпал снег, и он помогал мне тащить сумки, нагруженные книгами. Одними из последних его слов были: «Запомни: надвигается страшное время. Демократии поэзия не будет нужна, и мы, поэты, тоже».

2

Из Белгорода я послал Борису вышедший сборник стихотворений поэтов белгородской студии «Слово». Вскоре пришёл ответ, написанный скачущими буквами на тетрадном листе в линейку: «Милый мой поэт, здравствуй!

Вот уже два месяца, как ты уехал, а я всё в любимой Малеевке, по-моему, навечно.

Видел Николая Старшинова – сказал: альманах закрывается. Печальное для тебя известие. Ну что поделать, такова жизнь, какую мы хотели. Вот она и пришла.

В «Литучёбе» никак не поймаю Шипилова. Говорят, болеет... Как найду его, спрошу о твоих стихах – помогу чем угодно.

Прочитал ваше «Слово». Понравилось. Особенно подборки В. Распопова и Т. Рыжовой – естественное дыхание, врождённое поэтическое настроение. Надо немедленно принимать в Союз писателей.

Твои стихи почти все знаю, но снова прочитал с охотой.

Не надо писать о моём сборнике, напиши о поэме «Лебединое иго» на имя Владимира Ерёмченко (главного редактора. – **В.Ч.**) в «Лит. Россию». Мне кажется, у тебя выйдет.

Погода в Малеевке чудесная. Степенный снег русской природы.

Вот и всё.

Твой Борис».

Я написал рецензию на «Лебединое иго» («Молодая гвардия», № 11 за 1991 г.), послал её в «Литературную Россию». Материал, как мне сказали, был подготовлен к печати, даже стоял в полосе, но почему-то был снят.

У меня сохранился экземпляр рецензии. Приведу фрагменты:

«В который раз беру журнал с новой поэмой Бориса Примерова, читаю и перечитываю её, – повторяю вновь и вновь многие полюбившиеся, проникающие в глубины души строки, которые сами собой запоминаются. И наверняка останутся надолго в памяти, если не навсегда.

*Я русский по духу и крови.
В первоначальной затее
Я, словно Кольцов, окольцован
Берёзовой млечной аллеей,
Что белого света белее,
В котором родиться успели.*

Философское, историческое, эпическое, лирическое – каждое из этих определений в полной мере подходит к характеристике произведения. Но, пожалуй, точнее всего будет сказать, что поэтом владела, говоря словами Сергея Есенина, «любовь к родному краю» и он нашёл самые проникновенные слова, чтобы сказать об этом. А ещё – боль за настоящее и будущее России, вера в её величественное предназначение.

Заканчивается поэма такими строками:

*Становлюсь на колени
Пред гордой красивой страной,
Целуя в уста голубое
Звнящее иго такое.*

А вот ещё четыре строки. Какие они точные, как пронзают – до сердца:

*Шумит, как шумит непогода,
Страна потрясённая – вон как!
Хлебнувшая горечь свободы
Отчаянно, памятно, звонко.*

«Лебединое иго» подготовлено всем творчеством Примерова. Поэт, горячо любящий Россию, Родину, уже в поэме «Ау!», написанной более десяти лет назад, предвидел и предостерегал многие напасти, навалившиеся сегодня на нашу страну. Тогда он написал трагически пророческие предостерегающие строки:

*Не допусти, Россия,
Безумью вопреки,
Тупой топор насилия
Над головой строки.*

Жаль, что народы и правители мало прислушиваются к пророчеству своих поэтов».

3

В октябре 1992 года почти месяц я пробыл в Доме творчества писателей в Переделкино. Очень хотелось встретиться с Борисом, но где его найти? Однажды днём зашёл в Центральный дом литераторов, спустился в подвальчик, и вот он – за крайним столиком. Один.

Поздоровались. Обнялись. Я взял по чашечке кофе, что-то ещё. От спиртного он отказался и вообще был явно в подавленном настроении. Из разговора выяснилось, что Примеров недавно तो ли из больницы вышел, то ли почему-то в милиции побывал. Говорил о надвигающемся рваческом страшном времени, и, несмотря на то что я идеалист по натуре и искренне верю в торжество добра над злом, пророчества Бориса воспринимались как близкая ужасная явь, что впоследствии, уже через год, в октябре 1993 года, при расстреле Дома Советов и произошло. Как я узнал позже, Примеров был в числе защитников парламента.

К нашему столику подходили московские поэты, здоровались, кто-то ненадолго присаживался. Помню Игоря Ляпина, который взял Борису ещё кофе, бутерброды, положил около него пачку сигарет, видимо, знал, что тому, может быть, как никому другому приходится материально трудно: он нигде не служил, жил только на гонорары, но они становились всё скуднее, да и публикаций было немного.

Через какое-то время я собрался уйти. Борис же сказал: «Я ещё побуду». Чувствовалось, что ему не хочется уходить, а может быть, и некуда. Так и остался он в моей памяти – сидящий одиноко за столиком с ликом неприкаянного юродивого и взором русского пророка.

Известие о смерти Бориса больно ударило меня. Он покинул этот жестокий и несправедливый мир добровольно 5 мая 1995 года на даче в Переделкино, там же на кладбище и похоронен. Оставил предсмертную записку, в которой были такие слова: «Три дороги на Руси: я выбираю смерть. Меня позвала Юлия Владимировна Друнина... Неохота жить с подонками: Лужковым и Ельциным. Опомнись, народ, и свергни клику... такого не было и не будет на белом свете».

Незадолго перед уходом была написана поэма «Молитва», в которой он говорил, кричал, что настали времена, когда «русское имя покрылось позором», просил:

*Каемся мы в эти горькие дни.
Боже, державу былую верни.
Молим, избавь нас от искушения
И укажи нам путь избавленья.*

Были и прощальные стихи с проникновенными строками:

*Прощай, великая держава,
Одна шестая часть земли,
Которую на переправах
Мы сообща не сберегли.*

*Ещё немного слов, и парус белый
Умчит ладью мою от берегов.
То будет час, паду я онемелый...
Ещё, ещё, ещё немного слов.*

Была ли услышана его поэтическая молитва там, на небесах, нам, увы, не узнать. Но его поэзия осталась на земле и в наших сердцах.

* * *

Уроженец Петрозаводска критик Владимир Бондаренко в очерке «Жизнь с открытым сердцем» в

книге «Последние поэты империи» (изд-во «Молодая гвардия», 2005 г.) написал: «Я уверен, значение Бориса Примерова в русской поэзии после его смерти будет расти». В какой-то мере его предсказание оправдывается. В Ростове-на-Дону проходят праздники поэзии имени Бориса Примерова, вышла книга его избранных стихотворений и поэм, профинансированная областными властями, но, к сожалению, небольшим тиражом и к читателям она не попала, мне тоже не удалось её приобрести. Поэтому я перечитываю его прижизненные сборники и нахожу все больше строк, которые отзываются во мне печальной благодарной памятью:

*Я умер вовремя, до света,
И ожил вовремя – к утру.
А мимо проходило лето
В бредовом затяжном жару.
(...)
Иссохшие уста – и только,
Глаза тоски – немоготу...
И степи, серые как волки,
Крадутся к мёртвому пруду,
Где на краю, в краю безвестном,
В репьях, во рву,
На самом дне,
Всего на расстояние песни
Лежу от жизни в стороне.*

Увы, трагические пророчества поэтов часто сбываются.

Валерий Николаевич ЧЕРКЕСОВ

родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области.

*Более сорока пяти лет проработал
в газетах Приамурья и Белгородчины,*

*был собственным корреспондентом «Литературной газеты»
по Центральному федеральному округу.*

*Автор двадцати трёх книг поэзии, прозы,
публицистики, произведений для детей.*

*Стихи и проза печатались во многих антологиях,
альманахах, сборниках, журналах, в том числе*

*«Наш современник», «Москва», «Знамя», «Дружба народов», «Нева»,
«Подъём», «Дальний Восток», «День и Ночь», «Север» и других.*

Член Союза писателей России с 1991 года.

Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии

«Хрустальная роза Виктора Розова»,

Международной литературной премии «Прохоровское поле».

